

Аннин Александр

Измени свою жизнь

**Как уйти в монахи
и что из этого может получиться...**

Очерки современного монастырского быта

«Жизнь подвела под монастырь» — такие сетования, да с протяжным вздохом, то и дело можно услышать от самых разных людей: разорившихся и вполне, на первый взгляд, преуспевающих; пожилых и довольно-таки молодых.

А что если, действительно, взять да и уйти от всех мирских забот и хлопот (пустых хлопот и бессмысленных забот, заметьте!), поселиться в прямом смысле — как за каменной стеной, «как у Христа за пазухой»? Не мучить себя помыслами о хлебе насущном (есть, что дают на трапезе, вот и всех делов-то!), не переживать за близких людей (монах — от корня «моно», то есть — полнейший одиночка), не «париться» о здравии телесном — ибо в монастыре, в отличие от «мира», на полном серьезе считается, что «если тело здорово, то дух немощен» — и, соответственно, наоборот.

И уж коли вам в голову вдруг закралась эта нетривиальная идея — бросить всё, отпустить себе

бороду и (уже не по Есенину) уйти в монахи, то советуем познакомиться с предлагаемыми очерками нынешнего монастырского быта. Скажем сразу и безо всяких обиняков: все, о чем здесь говорится — истинная правда. От начала до конца. Автор, испытавший на себе, что такое быть монастырским насельником, был свидетелем или участником всех тех событий, о которых повествуется в этой книжке.

Возможно, она-то и поможет вам принять правильное решение: подходит ли именно вам монастырский уклад жизни?

Трудные праздники на острове забвения

Подошли холода.

Озирая безлюдную пристань, возле которой еще недавно причаливал белый теплоход «Капитан Хоробрых», братия Нило-Столобенского монастыря тихо перекрестится, а кое-кто и благодарственную молитву прошепчет. Все, кончились напасти... И в который раз осознает инок всю глубину церковного именованья строгих монастырей — «пустынь».

С осени и вплоть до поздней весны монахи будут избавлены от грохота шлагеров, несущихся над водной гладью в туристический сезон; не встретят черноризцы разнополых компаний, бесцельно бродящих по заповедному острову.

Лишь стук топора, звон колоколов да чинные песнопения будут разноситься над безмолвным озером. А пока — с мая по сентябрь — в пределах суровой пустыни обильно водится турист: организованный и дикий, бородатый и полуголый.

Конечно, насельники обители понимают: летний наплыв приезжих — большое подспорье в хозяйственной деятельности монастыря. Проще говоря — приток средств существования для немногочисленной братии. Опять же — пожертвования, покупки сувенирной и религиозной продукции — книг, брошюр, икон... Преподобный Нил Столобенский — единственный святой Православной Церкви, для которого за все века ее существования сделано исключение: его, святого отца Нила, дозволено изображать в виде скульптур, что категорически не приветствуется в отношении всех остальных канонизированных «персонажей» РПЦ, включая библейских и святоотеческих. Строг закон. Так что лишь в одном-единственном месте, на острове Столобном, можно приобрести резную, лепную или даже бронзовую фигурку преподобного Нила Столобенского. И все эти маленькие шедевры сделаны в мастерской обители, местными монахами-умельцами. Пишут здесь и святые иконы с ликом преподобного...

Да ведь и турист туристу рознь, что там ни говори. Тысячи верующих приезжают сюда как

паломники: помолиться, очиститься от скверны, чтобы потом с обновленной душой вернуться к мирской жизни. А многие прибывают на Столобной остров с надеждой на исцеление от недугов возле раки со святыми мощами преподобного Нила. Порой Божие чудо происходит мгновенно, прямо в соборе, чему автор этих строк был свидетелем — как-никак, почти полгода работал на восстановлении обители, да и потом многожды приезжал сюда — то как гость, то как журналист, то как трудник.

Вот уже более четырехсот лет стекается сюда православный люд на поклонение святым мощам основателя обители, преподобного Нила Столобенского. Монастырь возник на месте его погребения в 1594 году, при благочестивом царе Феодоре Иоанновиче.

До октябрьского переворота святая обитель на Селигере-озере, что в Тверской губернии, по числу паломников прочно занимала второе место в православном мире — после Гроба Господня, конечно. Подумать только: по двести с лишним тысяч человек со всех уголков Отечества стекались сюда ежегодно! Жаловали монастырь и государи российские, и вельможи. Обильными дарами украшали они обитель. Где сейчас все эти сокровища, шедевры иконописного и ювелирного искусства? Говорят, в начале 20-х надежно

спрятали монахи драгоценную утварь от безбожной власти, прямо где-то здесь и схоронили... Да только свидетелей тому не осталось: прибыл взвод красноармейцев, построили черноризцев вдоль собора да расстреляли.

ОТ СУМЫ ИЛИ ТЮРЬМЫ?

Бытует мнение, что в монастырь уходят от житейских невзгод, от сумы да из тюрьмы — когда больше податься некуда. Даже поговорка есть: «Подвели меня под монастырь». Но за двадцать с лишним лет, что минули со времени моего первого посещения Ниловой пустыни, встречал я здесь черноризцев, которые были весьма успешными в мирской жизни. Бывший директор магазина, майор-ракетчик из Подлипок, режиссер шоу-программ, столичный врач — кандидат наук...

По сей день служит в обители бывший ресторанный певец, а рядом в черной камилавке — другой длиннородый монах, который когда-то в Гаграх исполнял на саксофоне свои виртуозные импровизации.

Неисповедимыми путями приводит Господь человека к покаянию и переосмыслению своей жизни. В стенах обители собралась братия со всех концов страны. За 25 лет, с тех пор как возродился монастырь, сюда приходили сотни людей, и

большинство — с искренним намерением остаться здесь навсегда, как когда-то — преподобный Нил. Но далеко не все, в конце концов, твердо встали на монашеский путь. И причин тому много.

Вовсе не достаточно одного лишь желания стать иноком. Тех, кто пришел сюда случайно, повинуясь внезапному порыву, часто ждет разочарование. Оказывается, для того чтобы называться монахом, мало покинуть родных и близких, коллег и друзей, свое мирское поприще. Отказаться от житейских радостей и укоренившихся привычек — это еще не победа. И даже, по большому счету, еще не начало борьбы за спасение души.

Настоящая борьба начинается уже в стенах обители. Отсечение своей воли, послушание монастырскому начальству и старшей братии — вот какое испытание ожидает того, кто встал на крестный путь иночества. Ему предстоит научиться уважать и понимать немощи своих ближних, относиться к ним с терпением и добросердечностью. И в то же время смиренно переносить невзгоды, тяготы трудов и молитв, а зачастую — незаслуженные обиды и скорби, за все благодаря Бога. Это и есть каждодневная жизнь черноризца.

Заботы о хлебе насущном в суровых условиях полуобжитого монастыря, уход за скотиной,

заготовка дров на зиму, сенокос, работы на огороде, физическое восстановление обители — вот они, дневные труды «малого стада», небольшой братии. Да еще по утрам и вечерам — долгие богослужения и молитвы, порой они составляют восемь-девять часов в сутки. Ясно, что не каждому такое под силу.

Наверное, поэтому в Ниловой пустыни по сей день не так много чернецов, облаченных в иноческий сан. Святой Божий угодник Нил Столобенский строго выбирает себе в монастырскую семью только тех, кто может непреклонно, долгие годы нести крест подвижничества.

Особенно уважают новичка, если появился он здесь в непогоду и холода — значит, и впрямь «брат». Не отдыхать приехал. Еще один трудник, слава Богу...

Хорошо бы с собой рабочую одежду взять, валенки. Нету — подберешь на складе по размеру. Чего ни в коем случае нельзя брать с собой на Столобной? Курево — это раз, почуют запах — выгонят. Во-вторых, мясные продукты в любом виде. А пить что-либо хмельное на острове запрещено с начала XVI века, когда здесь поселился в убогой пещере преподобный Нил, Столобенский чудотворец.

БРАТСТВО СТРОГОГО РЕЖИМА

Итак...

Оголился лес, улетели с тоскливым курлыканьем журавли (как нарочно, выбирают они путь по-над Ниловой пустынью, навевают уныние и скорбь по родному дому в сердцах некоторых насельников, порой даже — имеющих долгий опыт суровой, постнической жизни).

А к Покрову уж и морозы в этих краях заворачивают — вдоль берега намерзает ледяная каемочка...

После вечерней трапезы, как правило — в начале девятого, в натопленной трапезной гаснет электричество и при свечах да лампадах, стоя вдоль дощатых столов, братия совершает молитвенное правило «На сон грядущим». До сна еще, впрочем, некоторым далеко: свет в кельях дозволено «держат» до 11 часов вечера. Но — никак не позже. В случае крайней надобности зажигают свечу.

Не делается исключения и в новогоднюю ночь: во-первых, здесь живут по старому, юлианскому календарю, так что ни 31 декабря, ни 1 января — по общепринятому стилю — «новолетие» в монастыре не возглашается. А, во-вторых, светских праздников для тех, кто оказался на острове Столобной, больше не существует. Как не существует собственных фамилий, а для некоторых

— даже и имен, данных родителями. Онисим, Нектарий, Нил, Герман, Митрофан, Варфоломей — такие «старозаветные» имена получают здесь при пострижении в монахи.

Обычно пострижения ждут не один год и даже не пять...

Праздники в строгой обители, конечно же, есть. Все они обозначены красным цветом (или жирным шрифтом) в церковном календаре. Помимо Пасхи, «двунадесятых» и великих православных праздников здесь особо чтут дни памяти преподобного Нила Столобенского, Иоанна Предтечи, Николая Чудотворца и ряда других великих и местночтимых (тверских) святых. Так что, в общем, вместе с воскресеньями праздничных дней набегают немало.

В эти дни островитяне Ниловой пустыни отсыпаются: служба в Богоявленском соборе начинается только в восемь утра. Все послушания (проще говоря — работы) отменяются, кроме тех, что жизненно необходимы (на трапезной, к примеру, или — в охране). На самой же трапезе обычно появляется что-нибудь вкусненькое: печеная рыба, мед, конфеты.

На масленицу, как и повсюду на Руси, в изобилии пекутся блины, на Пасху — разновеликие куличи.

В холода здесь, на обезлюдившем после

«массового туриста» острове, не услышишь не то что смех или песню, а даже и просто громкого разговора. Все совершается чинно, основательно, не торопясь. Ни разу не видал я бегущего черноризца, каким бы срочным не было дело. Насельники своей нарочитой степенностью как бы охраняют мир душевный, боясь расплескать, словно постоянно носят его в некоем невидимом, хрупком сосуде...

Что же является главным условием для обретения этого возжеленного мира душевного? Порой насельники ждут его прихода не месяцами, а годами. И наступает он только тогда, когда человек наконец-то полностью отрешается от своих былых забот, оставленных далеко-далеко, где-то там, за горизонтом... В миру. А они еще долго гнетут его, не отпускают — ни в храме, ни в монастырской келье, ни в трудах, ни в молитвах... Когда же наконец перестанет черноризец вспоминать о своих светских амбициях, карьерных перспективах и, увы, несостоявшейся семейной жизни? Когда утихнет память сердца и рассудка? У каждого — по-разному.

Но я на своем собственном примере убедился: если уж где и возможно достичь покоя душевного, так это в монастыре. Лучше — в отдаленном, северном, островном. И не слишком уж известном и богатом. Это, я думаю, всякому понятно.

А самое большое подспорье в обретении мира

душевного — благодатная жизнь монастырская: абсолютное, полное отсутствие забот и хлопот. Что подали в трапезной — то и вкушай, братец, да Бога не забывай благодарить. Не надо здесь заботиться ни об одежде, ни о счетах — люди в монастыре быстро забывают о том, что такое деньги и какова их цена (курс, покупательная способность). Вот что означает известное выражение — жить, как у Христа за пазухой. По принципу необходимости и достаточности. Никаких излишеств, зато все, что нужно, тебе предоставлено без забот и хлопот с твоей стороны. И все, что здесь происходит — совершается точно в свой срок, и всякому делу положен свой предел...

И что же, брат во Христе?... А то, брат. Выполний по мере сил послушание, молись (да не замаливайся!), и вся твоя прошлая жизнь скоро, поверь, предстанет перед тобой в истинном свете. И спокойно, без истерики, поймешь ты многое из того, что было непонятно раньше. А именно: почему, за что и по какому такому промыслу твоя судьба сложилась именно так, а не иначе?

Вот тот главный вопрос — вернее, первый в очередности из главных, — ответ на который получают в этих стенах новоприбывшие. А всех остальных тайн и открытий — что о мироздании, что о собственной душе или прежних взаимоотношениях с другими людьми (кто был

прав, а кто — неправ) — я, извините, выдавать не буду... Все равно не поверите, пока не проживете полноценной монастырской жизнью. Сколько? Каждому — свой срок положен, свой предел.

Ну, а теперь — довольно философии. Давайте, как говорится, ближе к делу. К зримым и осязаемым картинкам монастырского житья-бытья.

Вот как проходит обычный, «рядовой» зимний день в Ниловой пустыни.

05.00. Гулкий удар соборного колокола пробуждает заспавшегося насельника (а кое-кто уж на ногах или на коленях — исполняет свое, сугубое молитвенное правило). Вскакиваем с солдатских железных коек, попутно стряхивая иней с солдатских одеял — за ночь выстудилась натопленная с вечера келья, остыла наша печка-голландка. Беленый сводчатый потолок (середина семнадцатого века, так и веет от него древностью дониконовской, допетровской Руси), на своде в мерцании лампад колышутся наши тени. Три поясных поклона в сторону узкого, стрельчатого окна, за которым в ночи проступают очертания Богоявленского собора.

05.01. Второй удар колокола — такой же протяжный, густой — и я в промозглом «предбаннике», увешанном нашими солдатскими бушлатами (долго будут поминать здесь добрым словом командира распущенной при Ельцине

войсковой части — все, что мог и что не мог, передал этот настоящий русский полковник Ниловой пустыни и ее жителям, храни его Господи, коли жив еще). Ударом кулака пробиваю корку льда в допотопном умывальнике — иначе, сколько ни долби по носику мойдодыра, струя не потечет. Озерная, морозная вода обжигает лицо, руки, подмышки... Из-за стены доносится третий удар соборного колокола.

Вспоминаю звонаря: совсем юный розовощекий послушник в очках. Когда кто-то из монахов в шутку назвал его Гарри Поттером, обиделся, чуть не заплакал...

05.15. Не понимаю, не могу поверить: как этот чахлый островок выдерживает исполинскую громаду собора? Уж скоро два века... Свод необъятного храма теряется в полумраке, бездонное пространство колеблется в свете лампад, да еще — две-три свечи зажжены перед ракой преподобного, аналоем и поминальным подсвечником (кануном). Монахи и послушники в черных подрясниках, клобуках и скуфьях в тишине прикладываются к святым образам, старинному распятию. Самодельная сварная печка раскалена чуть не докрасна — топится бревнами. И все ж таки холодновато, жмемся к огнедышащему отверстию — по-старинному, «хайлу». (Вот откуда грубоватое русское выражение — закрой хайло).

Начинается чтение полуночницы — самой ранней, первой части суточного богослужебного круга.

05.45. Братский молебен. Земные поклоны перед ракой с мощами преподобного основателя обители — святого Нила; перед чудотворной Селигерской иконой Божией Матери; ковчегом с мощами святого Нектария Столобенского...

06.15. Все до одного насельники монастыря — трудники, послушники, иноки, иеродиаконь, иеромонахи и отец-наместник — совершают ежедневный обряд прощения и покаяния. После того, как по старшинству приложатся к святыням, выстраиваются в ряд, и всякий очередной пустынножитель просит прощения у всех, начиная с наместника. В тишине слышен шепот: «Прости, отче (брате)» — «Бог простит, и я прощаю». Так, повторяю, каждый день. В чем же винятся-каются друг перед другом? Чего тут делить-то, в монастыре? Вроде и нечего.

Ан нет, есть, еще как — есть. Может, только масштабы иные, чем в миру, да сил душевных на раздоры монахи тратят значительно меньше.

Украдкой вижу: высокий монах сгибается в поклоне перед звонарем, просит прощения за Гарри Поттера...

Замечу в скобках: любое матерное слово, сорвавшееся с языка, угроза или, не дай Бог,

рукоприкладство, наказываются незамедлительным изгнанием из монастыря. И неважно, что «вспыливший» по-житейски прав: все равно не прав. Это понять еще предстоит... Вот был у нас один «брат», словно нарочно явившийся в обитель для искушения насельников, отравления их мирного существования. Всех подряд силился вывести из себя. И порой добивался своего: один за другим были изгнаны из монастыря два замечательных трудника, светлых душой... «Искуситель» вынудил-таки их (по очереди) ударить его в лицо. Слава Богу, этого психически нездорового человека вскоре забрала домой его мать: не пошел ему монастырь на пользу, не помогла и общая братская молитва... Почему — одному Богу известно. Даже жалко человека.

Расставаться с уходящими братьями, особенно с теми, кто, казалось, способен стать хорошим монахом, всегда тяжело и тоскливо. «Уходит брат — убывает молитва», — еще одна здешняя поговорка.

08.00. Отошла обедня (обычно она продолжается немногим более полутора часов). Братия расходится из храма на послушание — ежедневные труды. Ни завтрака, ни чая в строгой обители не положено — пробавляемся глотком святой водицы, иногда — кусочком просфоры. Кто-нибудь обязательно говорит вполголоса: «На

еду еще заработать надо» или: «За обед мы, братья, еще не потрудились».

Доносится мычание коров из кирпичного, полуторавековой давности хлева. Опекают его два послушника и трудник, сеновал доверху завален пахучим сеном — два укоса сделали минувшим летом на монастырских полях.

Все при деле, никто не болтается просто так. Я привычно иду к своим «козлам», благо с детства приучен пилить-колоть дрова, просто хлебом не корми, только дай в руки топор... Приходится мне скрывать свое пристрастие к такому труду, хоть это и не совсем честно — скрывать что-либо. А как мне быть иначе? Ведь я не собираюсь тут навеки оставаться, приехал ненадолго потрудиться во славу Божию... Так хоть душу потешу, вспомню деревенское детство. Но уж коли узнает про то иеромонах Нил, раздающий после вечерней трапезы послушание, так, пожалуй, лишит меня излюбленной работы, переведет полы в церкви мыть или картошку на трапезной чистить... Здесь, видите ли, предпочитают давать новичку ту работу, к которой он не привычен. Может, для того, чтоб поскорее отошли от него мирские привязанности, в том числе — трудовые? Как знать, как знать...

Кто-то в мастерских, где режут иконостасы, выстругивают нехитрую мебель, двери, окна. Восстановление обители из руин продолжается по

сей день, и конца-краю ему не видно. Кто-то шьет и чинит подрыски, рясы. Бригада рыбаков хитроумно протягивает сети подо льдом на Селигере-озере — зимой улов хороший, почему-то всегда лучше, чем летом: крупный судак, голавль, щука. А не то, слышал я — и угорек попадается... Ночью сети сторожат по двое — зачем вводить в соблазн местных? Снимут сети и пропьют, не посмотрят, что у монахов воруют. Для местных пьяниц монах — давно уж не диво и не авторитет. Да для них никто не авторитет.

Я обратил внимание: здесь не принято «пластаться до упаду», выказывать трудовую доблесть и рвение в работе. Ибо не это главное в жизни насельника. Здесь делают свое дело «не торопясь да Богу помолясь». Поэтому в обители и не принято говорить слово «работа». Послушание — вот так оно будет правильно. Послушание перед Богом, преподобным Нилом, начальниками монастырскими, духовным отцом. Если ты честно, в меру сил, исполняешь послушание, то, согласно учению святых отцов, оно засчитывается выше молитвы.

Работа (то есть, конечно, не работа, а послушание) помимо удовлетворения каких-то насущных потребностей для жизни, призвана, в общем-то, главным образом способствовать молитвенному настрою человека. Не давать

лениться ни рукам, ни мозгам.

И еще заметил я, что во время неспешного, монотонного и нетяжелого делания дела — молитва совершается ох как легко и хорошо. Значит, не зря я здесь, значит, все в жизни идет своим чередом. Правильно идет.

Конечно, бывают периоды страды, горячие деньки, прямо скажем. Вот, к примеру, летом, в сенокос, да ранней осенью, когда пора убирать картошку и свеклу с монастырских полей (захиревший колхоз поделился — куда, мол, нам столько земли, когда работники по городам разбежались?). А еще — аврал, когда надо спешно солить огурцы и помидоры со здешних теплиц, да не банками трехлитровыми, а чанами неподъемными...

С одними грибами сколько мороки! Отец Митрофан, главный на трапезной, где-то вычитал и уверовал (видать, от великого ума), что грибы — не растения вовсе, а прямо-таки животные, и потому нам, монашествующим, потреблять их нельзя. Стало быть, ни к чему и собирать.

Посмотрел на него тяжелым взглядом отец-наместник обители, старец-архимандрит Вассиан, вздохнул, покрутил пальцем у виска... Что ж, мол, не ты первый, Митрофанушка, умишком тут тронулся. Не ты и последний. Так что — вперед по грибы, дорогие братья! И то сказать: сам великий

отшельник Нил грибами от голодной смерти здесь спасался, как и другие русские монахи-подвижники... А уж растения они или животные — одно слово: грибы. Исконная монашеская еда. Точка.

Черноризцы и трудники десантируются на лодках на соседний остров Хачин или еще похлеще — куда-нибудь в глухомань, на автобусе... Тащат грибы двухведерными корзинами, заготовливают, опять же, в чанах.

Все это довелось испытать и мне. Довелось и вкусить этих разносолов уже в лютую непогоду, в жарко натопленной трапезной.

«ИСКУШЕНИЯ БЕСОВСКИЕ»

13.00. Бьют склянки: невесть как оказавшийся здесь судовой колокол, висящий на крылечке старинного здания трапезной (она же — просфорня). Я сравнил с дореволюционным фото: ну да, та самая кирпичная изба. Переминаемся с ноги на ногу, но не входим — нельзя без благословения старшего трапезника, отца Митрофана. Ждем его «особого приглашения», хотя обычно зовет не он сам, а наш повар, брат Александр Мурманский.

Забредшая на остров парочка внесезонных туристов (благо остров соединен с близким

«материковым» берегом дамбой) робко подходит к крылечку.

— Скажите, здесь у вас магазин? — спрашивает девушка.

Девушки в мужских монастырях ведут себя как-то посмелее, чем парни, это я подметил за многие годы паломничеств. Впрочем, тут отдельная тема для разговора...

— Нет, не магазин! Здесь бар! — радостно отвечает наш «штатный юридический» — щеголеватый послушник Миша Камчатский.

Парочка, поняв, что лягнули «чегой-то не того», ретируется. Парень достает фотоаппарат... Эх, счастье его, что нет поблизости нашего казначея, отца Петра: ух и лютует сей монах, завидев фотокамеру в чьих бы то ни было руках! «Вы с ума сошли! — говорит он, бывало, любителям поснимать. — Разве не знаете, что нельзя фотографировать монахов?» И вдруг — грозно так рявкнет: «Болезнь теперь будете!». Некоторые особо впечатлительные всерьез пугаются...

На самую кухню без особого благословения вообще входить запрещено, «не положено», как говорят в монастыре. Но в приоткрытую дверь видны запаренные трапезники-повара, их помощники — все в белых подрясниках и белых скуфейках-колпаках. От кастрюль и тазов со

снедью валит пар...

Сердце радуется.

13.15. Наместник монастыря, престарелый архимандрит Вассиан, легонько тронул колокольчик. Братия выстроилась вдоль деревянных лавок: игумен Аркадий, пять иеромонахов (священников), иеродиакон, восемь рясофорных монахов, десять послушников-черноризцев... Ну и, чего уж греха таить, «особо доверенные» из трудников, в числе коих — и я, московский журналист, бывший когда-то одним из полноправных, то бишь — рядовых братьев этой обители, но так и не надевший подрясника, так и не принесший в свое время малый обет послушника.

А потому — человек я вольный, вышедший из монастыря в положенный срок с благословения наместника и теперь приехавший погостить-потрудиться. Без обид. Без каких-то недоговоренностей.

Все громко поем «Отче наш», наместник широко крестит длинные струганные столы — благословляет трапезу. За аналоем в углу трапезной пышнобородый рясофорный монах Тихон, монастырский водитель, начинает размеренно читать житие «сегодняшнего» святого. Печка пышет жаром, на столах — судки с рыбным супом (по средам, пятницам и в протяженные посты

трапезуют только растительной пищей). Отварные овощи, картошка, клюквенный морс в кувшинах. Говорят, бывает и кофе. А что?

13.35. Опять колокольчик наместника: обед закончен. Двадцать минут. «Чревообъядение» не грозит. Звучат общие благодарственные молитвы, братия снова расходится на послушание. А на крыльце дождаются своей очереди все прочие трудники: будут есть до отвала, им можно. Еще — две-три женщины, паломницы. Вторая обеденная смена.

Женщин-паломниц, если прибыли с ночевкой, здесь особо не жалуют. Не гонят, но на самом острове не селят. Найдешь кров в прибрежном селе Светлица — вот и ночуй там, а утром, к шести, приходи на богослужение. А хочешь — к полшестого. Потом, будь добра, на послушание. Чистить, мыть да скоблить здесь всегда чего найдется.

Конечно, никакой косметики, никаких украшений (это уж я на всякий случай говорю, ибо, мне кажется, и так все понятно). Платок, длинная юбка и кофта — таков вид паломницы. Трудницей (то есть — на долгий срок, скажем — на месяц) не возьмут, таковы правила монастыря. А лучше всего... Шла бы ты, матушка, трудиться в женский монастырь. Ах, боязно? Ах, заключают там? Серпентарий, да? Знаем, что серпентарий,

наслышаны про женские монастыри. Тоже мне, удивила...

Здесь, в Ниловой, понятно, не Афон, где, сказывают, даже вся скотина — и та исключительно мужского пола. В пустыни на Селигере-озере вольнонаемные специалистки («с дипломами, во как!») делали лепнину для Крестовоздвиженской церкви, штукатурили в Богоявленском соборе. За зарплату. Вели себя тихо, жили в «общаге» в близлежащем городе Осташкове. Так что берут на работу в монастырь тех женщин и мужчин, «которые с понятием». А работой и зарплатой в здешних краях дорожат.

17.00. Соборный колокол возвещает начало вечернего богослужения. Оно длится от двух до трех с половиной часов (если это канун большого праздника или, к примеру, прибыл архиерей). Сколько же всего проводит времени на молитве обычный монах или послушник? Я подсчитал: минимум — семь часов в день, включая индивидуальное келейное правило, а то и епитимию — церковное наказание в виде дополнительных коленопреклоненных молитв за какие-либо нарушения. Или — прегрешения, высказанные на исповеди.

Еженедельная исповедь по воскресеньям обязательна для всех. И в чем же, скажите на милость, каяться, когда здесь нет, казалось бы,

возможности всерьез согрешить? А согрешил всерьез — и всё, нет тебя больше в стенах монастыря, неумолим здешний устав... Значит, те, кто еще здесь «держатся» — почти святые?

Архимандрит Вассиан лишь тонко усмехнулся в ответ на мои слова (а разговор был, когда я впервые прибыл в монастырь с мыслью тут навеки поселиться). Батюшка сказал мне тогда: «От греховных помыслов да воспоминаний не спрятаться ни в каком, даже самом глухом монастыре. А еще, бывает, впадет человек в уныние — самый тяжкий грех! Не веришь, что самый тяжкий? Ну-ну... Сам скоро на себе испытаешь всю его тяжесть непосильную для души. Как я когда-то испытал. Да не день, не два и не месяц длится это уныние бесовское, так-то брат...».

Некоторым, как мне показалось, не дают покоя воспоминания о прежней сладкой (то бишь греховной) жизни. Другие страдают всерьез и по серьезному поводу...

Один молодой монах, иеродиакон, так мучился воспоминаниями о неразделенной любви — из-за которой он, собственно, и ушел в монастырь — что не выдержал искушения, когда его давняя возлюбленная приехала за ним в монастырь. Он просто сбежал. А ведь больше пяти лет подвизался сурово и постнически! Видимо, за эти годы жизнь сильно побила дамочку, вот и

вспомнился ей человек, безответно любивший ее когда-то всем сердцем... А может, дамочке покоя не давала мысль, что мужчина посмел предпочесть ей (самой ей!) служение Христу и добровольный уход от мира. Ну и, конечно, сама возможность совратить рукоположенного монаха весьма привлекательна для тех, в ком «частица черта» сидит от самого рождения.

Помню, когда я стал трудником «всерьез и надолго», впал я в предсказанный архимандритом Вассианом период тоски и уныния. И сам собой появился у меня с моим напарником по заготовке дров, братом Алексием (теперь он уже священник в городе Бежецке, помогай ему Бог!) такой своеобразный ритуал: темным осенним вечером, после трапезы и братских молитв «на сон грядущим» мы обходили вокруг построек монастыря, вспоминали что-то, ободряли друг друга...

И как раз в этот период повадились две ужасно симпатичные девчонки из Осташкова ездить в монастырь на каждую что ни есть вечернюю службу — стоят чинно, кланяются, крестятся, как положено. Да-да! И как только мы с братом Алексием свой «обход» начинаем, так — здрасьте, пожалуйста! — вот они, навстречу, под ручку вышагивают, глазами стреляют. Ну, встретились — разошлись, первыми заговорить

девушки все же не осмелились. Русская провинциальная закваска (или, если хотите, особенность, аномалия).

На пятый или десятый такой вот «вечер встреч» я не выдержал, спросил:

— Девчонки, последний теплоход в город давно ушел. Вы, вообще-то, как домой добираться будете?

— А вы, ребят, нас к себе ночевать пустите, а? И вообще, ходим-ходим, каждый божий вечер видимся, давайте уж знакомиться! Вы же не монахи, вы рабочие за ради Христа, мы же различаем, все-таки.

Н-да... Будь эти девушки понахальней да понастырней, так, пожалуй, и кончилась бы наша недолгая монастырская стезя — раньше времени. Но, помимо неистребимой какой-то застенчивости (да-да, именно застенчивости, несмотря на прямое предложение вместе заночевать!), так вот, помимо всего этого, не учли девушки, что мы тогда еще неофитами были. Это не хухры-мухры! Нас хоть железом каленым пытай (так нам казалось тогда), но на блудный грех мы не пойдем!

А вот кабы пожили мы в стенах обители годков пять, как тот иеромонах, вот тут-то и «уловить» нас в бесовские сети было бы куда как сподручнее.

Через пару дней с девушками серьезно

поговорило монастырское начальство и больше мы их в стенах обители не встречали. Дай Бог, чтобы судьбы их сложились хорошо.

Потом-то мы с Алексием узнали причину отчаянных наездов тех двух девушек в монастырь. Пьянство. Повальное пьянство почитай всех особей мужеска пола в Осташковском районе. Всех тех, кто хоть мало-мальски годились по возрасту в женихи. А тут, в монастыре, девчонки надеялись сразу заполучить все готовенькое: стопроцентно непьющих, некурящих, добрых и отзывчивых парней, которых к тому же Господь научил прощать всем людям их грехи. В данном случае — грехи девичьи.

И, надо сказать, многие смелые и удачливые девушки из Осташкова и близлежащих деревень нашли-таки свое семейное счастье в стенах Ниловой пустыни — просто-напросто сманили, выдернули из ее среды тех, кто еще не успел принять монашеский постриг. И, скорее всего, подарили такое же семейное счастье своим верующим и работающим мужьям.

— Я их не осуждаю — ни тех, ни других, — вздыхал отец Вассиан. — Просто жизнь такая кругом поганая, а всем хочется нормальную семью иметь, детей здоровых...

(Справедливости ради скажу, что были случаи, когда самовольно вышедший из монастыря

трудник, послушник или монах ударялся в запойное пьянство, за что бывал изгнан новоиспеченной супружницей из дому, но обратно в монастырь ему хода уже не было — только в бомжи).

«СПАСАЮСЬ ОТ ИНФОРМАЦИОННОГО НАКАТА»

Многие изначально приходят в монастырь не насовсем, а на время: можно сказать, перевести дух. Или — чтоб попытаться избавиться в этих стенах от укоренившихся пороков (пьянства, курения, наркомании). Чтоб осмыслить, как жить дальше. И это нормально — поселиться в обители на недельку, месяц, полгода.... Скажем, провести здесь Великий пост.

Как-то при мне приехал сюда режиссер-постановщик шоу-программ, у которого возникли серьезные трения с партнерами — что-то там не поделили или не так поделили. Признался: хочу переждать здесь какое-то время, затаиться. Но главное — завязать с наркотиками. Вся обитель молилась за него, а через несколько недель он получил хорошие известия и уехал. И провожали его с теплом.

Был здесь брат Виктор из Ленинградской области — разорившийся бизнесмен. Свой магазин и ресторан отдал за долги, а родная сестра, на чье

имя «фиктивно» была оформлена квартира Виктора, выставила его за дверь. Кто-то посоветовал ему вместо каких-то резких телодвижений пожить в монастыре. Успокоиться, все обдумать. Виктор трудился на кухне, потом — на уборке в храме... Через полгода отмяк, воспрянул духом и вернулся в мир обновленным человеком.

А еще я встретил здесь одного насельника, который пришел в монастырь, по его собственным словам, «спасаться от информационного наката». Здесь нет ни телевизора, ни интернета, ни радио, ни газет. Ни разговоров о политике и деньгах.

В любом, наверное, монастыре всегда найдутся один-два послушника или трудника, недавно вышедших из тюрьмы. На работу нигде не берут, жилья нет. А тут тебе — и стол, и кров, только веди себя смиренно и делай, что скажут. А там, глядишь, Господь надоумит, как жить дальше.

Да, следует уточнить: спрятаться в обители от уголовного преследования практически невозможно. Сюда принимают только с паспортом, а ОВД Осташкова постоянно проверяет, не в розыске ли сей «паломник». При поступлении паспорта сдают настоятелю, а при постриге в монахи в паспорт ставится штамп с пропиской в монастыре.

20.00. Вечерняя трапеза — опять же под

чтение житий святых. После трапезы — молитвы и общий сбор в соседней комнате: раздача послушаний на завтра... Есть еще время почитать духовную литературу (а в монастыре — богатейшая библиотека), истопить печь перед сном, прочитать личное молитвенное правило...

А на Старый Новый Год праздник в монастыре все-таки празднуют, хоть и не так, как в миру. В храме все еще стоят рождественские елки — зеленые, без игрушек и гирлянд... 14 января (то есть — 1-го по старому, монастырскому стилю) православный мир отмечает великий праздник Обрезания Господня, чтит память Василия Великого. Не забудут здесь и о наступлении «гражданского новолетия»: в храме положено совершать «молебное пение на новый год».

Чего желают в новом году монахи и послушники, священноиноки и трудники? О чем молят Господа? О «временах мирных», «о дождях благовременных, росе плодоносной, ветрах мерных и благорастворенных, теплоте солнечной». А главное пожелание самому себе и друг другу вот какое: «О еже отгнати от нас вся душетленные страсти и растленные обычаи: страх же Свой Божественный всадити в сердца наша, ко исполнению заповедей Его, Господу помолимся...»

Накануне Крещенья во льду Селигера-озера выпиливают огромную иордань в виде креста, в

ночь с 18 на 19 января здесь, прямо на заснеженной глади озера, будет совершаться Великое водоосвящение — главное в году. И некоторые насельники, несмотря на крещенский мороз, обязательно окунутся в ледяную купель.

Миротворец

В эту северную православную обитель езжу я каждый год, да, случается, и не по разу. Проторил, что называется, дорожку. Много на Руси монастырей, почти все они возвращены Церкви, хоть худо-бедно, а населены иноками, послушниками. И хочется, конечно, побывать и там, и сям... Но... Подумаешь, подумаешь, да и едешь привычным маршрутом — через Вологду, малую мою родину, а там — рейсовыми автобусами, с долгими пересадками...

И вот оно, студеное озеро, а на лесном берегу — братские корпуса и монастырский собор Богоявления...

«Докладываюсь» местному начальству в лице хлопотливого седобородого игумена Арсения: прибыл, мол, потрудиться во славу Божию (на церковном языке это означает, что пришелец-приездец готов работать бесплатно, за стол и кров)... Наскоро благословив меня, без

лишних расспросов (как старого знакомого), о. Арсений устремляется дальше, по своим игуменским делам.

— Саша Мурманский здесь еще? — только и успеваю спросить вдогонку.

— Здесь, здесь, куда ему деваться, — ворчит игумен. — Иди в баню!

В баню так в баню... Это нужно так понимать, что приставил меня о. Арсений помогать брату Александру пилить-колоть дрова, поленицы складывать. А может, и веники вязать. Помнится, в прошлый раз игумен послал меня «в сад» — то бишь в монастырский огород с плодовыми деревьями да теплицами...

Говоря мирским языком, не больно-то любит Мурманского монастырское начальство. Да если и по-церковному подходить... Ну за что его любить-то? В обителях испокон веков приветствуются смирение да неприметность. А Саша — во всяком деле первый, да еще донимает настоятеля новыми «прожеками». Порой весьма далекими от идеалов монастырского самоотречения. Прямо выскочка, прости Господи!

Не один я, приехавши, первым делом спрашиваю Мурманского: из рыбнадзора ли местного пожалуют, из пожарной инспекции, строительной организации или доживающего свой век колхоза — все, после обязательного визита к

игумену, ищут Сашу, именуют его «монастырским представителем».

Талант у него такой — обо всем со всеми договариваться.

Всякий раз боюсь, что не застану Мурманского в стенах обители. Монахи да послушники — они же как солдаты: скажет начальство, и потопаешь кормить мошкарку в отдаленный скит. Там тоже ведь люди нужны. Или, хуже того, в Москву, на подворье — это своего рода «посольство» монастыря в стольном граде. Шум, суета, искушения всякие... От чего ушел, к тому и вернулся. Хоть плачь.

А еще могут и вовсе выгнать за провинность, или сам уйдешь, коль тоска заест. Или затешется в башку дурная мысль, будто бы в другой обители сподручнее будет подвизаться: там, дескать, и братия поприветливей, и молитва доходчивей до Бога, и труды, то есть — послушание, спасительнее... Много таких странников в порыжелых подрясниках мотаются по белу свету, ищут себе монастырь на «вечное» жительство. И все не находят упокоения.

* * *

Здесь так повелось: давать послушнику нехитрое прозвище. По признаку — откуда он

родом. Есть брат Михаил Камчатский, брат Александр Тверской, брат Виктор Полтавский, брат Сергей Карельский... И лишь Мурманского, несмотря на весь его немереный «стаж» (а он тут вроде бы с первых дней возрождения обители — значит, уж третий десяток лет), — так вот, одного только его обычно именуют просто Сашей, а не братом Александром. Будто юродивого.

Саша выпрямляется, откладывает колун, вытирает ладони о рабочий подрясник с истрепанным подолом.

Жму руку, словно только вчера виделись, спрашиваю:

— Значит, истопником теперь? Банщиком?

— Да, брат, теперь вот на бане...

Много послушаний сменил Мурманский. Сначала определили его на кухню — щи да каши варить, картошку чистить... В общем, «и хлёбово, и жарево, и парево». Как я не раз подмечал, подобные несуразные «назначения», а на церковном языке — благословения на труды — это прямо-таки поветрие в некоторых возрожденных российских монастырях. Ну просто как закон неписанный: всенепременно давать новичку ту работу, для которой он меньше всего пригоден. Проверка на смирение, на твердость решения стать монахом? Не иначе.

Короче, был Саша стряпать не приучен, кроме

яичницы отродясь ничего не жарил и не парил, но тут вдруг словно кто-то незримый помогать ему взялся. В одиночку, редко — вдвоем, он и воду с озера таскал, и печи в трапезной топил, и еду на двадцатка монашествующих готовил. Да какую еду! Лет двадцать назад я застал эти памятные старожилам по сей день «разносолы» Мурманского... Из самых простых припасов — картошки, свеклы, капусты, грибов да лука — готовил Саша такое объедение, что впору в русском ресторанчике где-нибудь в Европе подавать, а не в строгом монастыре. «Ну, брат, накормил так накормил, — качали головой монахи, вываливаясь из трапезной. — Прости, всемилостивый Боже! Ввел ты, Саша, во грех чревоугодия, аж с чревобесием вкупе...»

Дальше — больше: измыслил Мурманский белый хлеб выпекать. Да такой у него хлеб получался, что квадратные, поджаристые буханки не стыдно было подносить «на дорожку» именитым гостям: что епископу местному, что генералу заезжему... Помнится, и мне, столичному журналисту, выделили как-то буханочку, да еще и «блинок» сыра в придачу: Саша-то, оказывается, наладил сыроварню в пустующей келье...

Суровый постник отец Варфоломей, помнится, при мне выговаривал Саше: мол, негоже в монастыре утробу тешить, не затем сюда

стекались со всего белу свету насельники. «А ты не ешь, отче, — попросту ответил Мурманский. — На хлебе да картошке воздерживайся. Тогда тебе твои лишения вдвойне на том свете зачтутся».

Легко сказать — не ешь! Что там картошка, что капуста кислая, когда рядом с ними на столе такие яства... Попробуй не испробуй!

И Сашу убрали с трапезной.

— Иди, Саша, рыбу ловить, — порешил игумен Арсений. — Ты же из поморов, у тебя рыбалка в крови сидит...

И то сказать: монастырь на озере, а своего рыбного промысла вовсе нет. Мурманский починил полусгнившие сети, доставшиеся в наследство еще от довоенной рыболовецкой артели; расставил их вдоль плеса. Глядь — рыбнадзор! Слово за слово... Взяли Сашу под белы рученьки, да и увезли на моторке в райцентр. А на следующий день вернулся Мурманский в монастырь, отчитывается перед игуменом Арсением: вот, мол, договорился с властями, согласны отвести нам часть озера в бесплатную аренду. Лови — не хочу! Новые сети, однако, покупать надо...

И стала отварная свежая рыба чуть ли не повседневным харчем в монастыре (кроме постных дней, разумеется). Уж куда лучше, чем на пареной брюкве да на пшенной каше сидеть... Ибо новому повару-трапезнику, к вящему удовлетворению отца

Варфоломея, больше ничего путного состряпать не удавалось, а хлебопекарня и сыроварня самоликвидировались, как только Мурманского в рыбаки определили.

Опять начальство хмуриться да ворчать на Сашу принялось: мол, нам что теперь, этой рыбой торговать, что ли? Коптильный цех возводить? И послали Мурманского «в сад».

— Давай огород распахивай, парники строй, — велел игумен Арсений.

Велено — сделано: соорудил Мурманский теплицы, грядки раскопал, посадил огурцы, кабачки, репу... Тыквы у него по осени такие вымахали, что деревенские богомолки диву давались: дескать, не без Божьего чуда здесь дело-то! Чай, Север, как-никак... И потянулись в монастырь окрестные жители на тыквы диковинные глазеть, семена выпрашивать...

— Срубай, Саша, свои тыквы, и больше чтоб их не было, — распорядился игумен. — У нас что тут, проходной двор, что ли? Или ВДНХ какое? Давай столярную мастерскую налаживай, иконостас соборный вырезать надо...

Как-то на Покров, уж первые морозы ударили, сидел я с братией в жарко натопленной трапезной, щи из прошлогодней квашеной капусты хлебали. Окутанный клубами пара, ввалился Мурманский, а в заиндевелых руках — огромный глухарь,

шевелится еще, кровь с него на пол капает. Подранка Саша случайно нашел в лесу, когда за хворостом ходил. Все молча, даже оторопело смотрели, как Мурманский заботливо устраивает несчастную птицу на мягкой подстилке возле печки.

Первым подал голос отец Варфоломей:

— Ты, брат Александр, случайно не того? Не белены ли покушал? По уставу нам мясная пища не дозволяется...

— А я, отче, не на еду его принес, — Саша перевел дух. — Вот выхожу птицу, а как окрепнет, так в лес обратно отпускаю...

— У нас тут не ветлечебница, — неуверенно, как-то тихо молвил игумен Арсений.

— Отец настоятель! — взмолился Мурманский. — Блажен, иже и скоты милует!

Игумен сразу обрел всегдашнюю властность:

— Вот ты только меня Святому Писанию учить не вздумай! Ишь, богослов!

И глухаря отдали на съедение сторожевой собаке...

* * *

Как мы с Сашей подружились (если только употребимо это понятие в стенах строгой обители)? А вот как. Послали нас вдвоем перед Успеньем сети

ночью сторожить (без караула нельзя, бдить надо: проспешь, так мигом местные мужики поснимают снасти — «на пропой», не посмотрят, что у монахов воруют).

На берег плеса выгребали по узенькой извилистой протоке в камышах, причем, согласно вышеупомянутой и совершенно дикой с моей точки зрения традиции, на весла был определен именно я — как человек, никогда их в руках не державший. Недоумевал: к чему бы это? В монахи я вроде не собирался, чего ж меня-то на долготерпение испытывать?

Прямым следствием моей бестолковости (и, по убеждению моему, нелепого распределения ролей игуменом Арсением) было то, что нос лодки постоянно зарывался в частокол камышей. Саша не на шутку серчал, покрикивал: «Табань, говорю! Ну куда тебя несет нелегкая? Вот ведь наказание Господне...».

Я мрачно, угрюмо сопел под нос, жутко лютовал в душе на Мурманского, который, будучи «смирненным послушником», смеет орать на меня, «вольного» человека, журналиста, с которым сам епископ ласково беседует!

И надо же! Простосердечный Мурманский принял мое молчание за чувство вины, за покаянное признание своей неуклюжести, неумелости.

Потом, когда мы уже сидели у костра,

озарявшего ночной плес, Саша сказал:

— Надо же... Я, брат, так тебя хулил, оскорблял, а ты даже не обиделся... Вот уж не думал, что в миру есть такие смиренные люди, особенно среди столичных...

И я сразу потеплел к Мурманскому, не стал его переубеждать, разочаровывать. Лишь покивал в ответ: да, мол, есть и среди нас, московских «борзописцев», люди смиренные... И смех и грех!

Тогда-то и вспомнилось мне, как Саша, сказывали, в одиночку троих бугаев-браконьеров повязал, на дно лодки штабелем сложил да в деревню переправил. Оказалось, Мурманский в юности мастером по вольной борьбе был. И боксировал недурно... А братья-черноризцы и знать не знали! Не принято в монастыре о прошлой жизни друг у друга выпрашивать.

У костра брат Александр поведал мне кое-что сам, без расспросов.

* * *

...Вернувшись из армии домой в Заполярье, Саша в конце 80-х как-то незаметно для себя прибил к местной бандитской группировке. «Братва» Сашу уважала как известного в городе спортсмена-борца, человека смелого и справедливого.

И стал он у бандитов кем-то вроде переговорщика: решал с конкурентами спорные вопросы, договаривался о «стрелках» и «правилках».

Саша говорит, что всегда стремился выступать как миротворец — если была хоть малейшая возможность. И я ему верю: есть в его манере общения что-то такое, что настраивает собеседника на миролюбивый лад (впрочем, как я убедился, к монастырскому начальству это не всегда относится). Несколько раз, по его словам, Саше удавалось в буквальном смысле отмолить у паханов приговоренных ими братков.

— Знаешь, — вспоминал у костра послушник, — какое напряжение испытываешь во время таких переговоров? Одно неверное слово — да что слово, интонация не та, жест! — и ты как минимум пожизненный инвалид.

Как-то Саше поручили договориться в церкви об отпевании застреленного братка. Дело непростое: местный батюшка однозначно приравнивал убитых в разборках бандитов к самоубийцам. Это, кстати, полностью соответствует канонам Православной Церкви: нельзя отпевать человека, погибшего во время противозаконных деяний.

Когда Саша пришел в храм с поручением от братвы, священник утешал молодых родителей,

которые хоронили грудного ребенка. Мурманский услышал слова бабушки: «Младенцы, по нашим, православным представлениям, попадают в рай. И вы, вместо того, чтобы горевать да убиваться, старайтесь жить так, чтобы после смерти встретиться на небесах со своим сыночком».

И с таким спокойным убеждением сказал это священник, что Саша, стоявший в сторонке, сразу и безоговорочно ему поверил. Да, есть рай и ад, есть Бог и есть дьявол. С кем же встретится на том свете он, Саша?..

Уже через два дня Саша был в монастыре, лежащем далеко-далеко от родного дома.

— Вот видишь, — сказал тогда я Мурманскому, — правду говорят: неисповедимы пути Господни. Может, если не служил бы ты бандитам, так, пожалуй, и к вере бы не пришел. В общем, все у тебя удачно в жизни сложилось. Правильно.

Саша помолчал, глядя в огонь.

— Нет, брат, — сказал он тихо. — Уж лучше бы не был я никогда среди мафии. Еще неизвестно, отмолить ли мне те два года. Даже за целую жизнь в монастыре. Хоть я и не грабил, не пытал, не убивал никого своими руками. Конечно, пути Господни неисповедимы. Это верно. Но лучше все-таки ходить прямыми стезями, а не петлять. Так Христос учит.

* * *

Его все-таки выгнали из монастыря. Выдавили, вынудили уйти — какая разница?

Я узнал об этом недавно, когда ездил на похороны игумена Арсения (надо же, позвонили, отыскали в записной книжке почившего старца мой мобильный телефон!)

Посреди огромного, стилого Богоявленского собора, у гроба настоятеля, стоял среди прочей братии и горько, искренне плакал Саша Мурманский. Я отметил про себя, что Саша был в необычной для его облика мирской одежде — костюме и галстук.

Уже потом, после горестного — всей округой! — погребения первого, бессменного настоятеля возрожденной в 1991 году обители, после поминальной трапезы, я спросил Сашу:

— Что, выгнали?

Ну прямо как Волк из грустного мультфильма «Жил-был пес».

Да, совсем недавно его и выгнали. Хорошо хоть на похороны игумена позвали.

Однако, не в пример мультяшному Псу, в глазах Мурманского не было собачьей затравленности, одна лишь скорбь по ушедшему отцу Арсению... Который, между прочим, и снял с

Саши подрясник, указал ему за ворота. Видать (это я так думаю), надоел ему Саша, прямо-таки достал — хуже некуда. А может, глаза колол братии своим трудовым энтузиазмом, а раздоры тут ни к чему...

Мы стояли у свежего могильного холмика над озером, Саша медленно обводил взглядом обитель, словно прощаясь не только с игуменом Арсением, но и с двумя десятками прожитых здесь лет... И я вместе с ним как-то по-иному смотрел на громаду отреставрированного Богоявленского собора, братские корпуса с новыми железными кровлями, на века построенную пристань... А электростанция, скотный двор? А каменная ограда? Вот они, зримые плоды многолетних трудов игумена Арсения. В 1991 году здесь были руины, «мерзость запустения». И что теперь поминать о каких-то там загубленных тыквах, о глухаре, скормленном собаке...

Где же ты теперь обитаешь, Мурманский, друг и брат моей молодости, — думалось мне. Из каких краев приехал ты на похороны своего игумена?

... Мы добирались к нему на попутках — есть еще на Руси такие места, где вас подвезут без денег, из человечности. Вот и деревенька среди полей — домов этак восемь-десять, и все крепкие, северной, старинной рубки.

Во всей деревеньке живет один только Саша.

Впрочем, и не деревня это вовсе, а село: вон, на пригорке, высится полуразрушенный кирпичный храм с дощатым крестом-новоделом.

Церковь восстанавливает Мурманский. По собственному почину, в одиночку. Как здесь говорят, «сам-один» следит за порядком в сельце, разводит коз да кур, убирается на маленьком кладбище. Мечта у него: сохранить, донести эту русскую деревню до будущих, лучших, может быть, времен. Вот только храм бы восстановить, уверен Саша. Глядишь, придет епархия батюшку, много сейчас их без своего прихода мыкается... С ним — семья многочисленная переберется, а там и работники заселят пустующие добротные избы. И начнется распашка заброшенных земель. Как в старину, когда вокруг построенного подвижником-одиночкой храма возникали села, хозяйства, промыслы...

— Оставайся, — спокойно говорит мне Мурманский.

Я аккуратно перевожу разговор на другие рельсы:

— Да как же ты, брат Александр, такую неподъемную ношу осилишь? Храм восстановить... Без помощников!

— С Божьей помощью, потихоньку... Вот кровлю настелил, теперь стены латаю.

Рядом с церковью — штабеля

свежеструганных половых досок, поддоны с хорошим кирпичом, внутри, под крышей — крафт-мешки с цементом. Кто-то из состоятельных людей, видно, проникся мечтой Саши Мурманского, поверил в него...

Этот кто-то — средней руки бизнесмен, живущий километров за двести.

По вероисповеданию — мусульманин.

Возвращение в обитель, или Скажи, где тебя искать

Повесть-быль

«ЗАЧЕМ Я ЗДЕСЬ?..»

Метель не унималась, и ломаные очертания заснеженных берегов лишь смутно проступали сквозь круговерть льдистой крупки, сыпавшей с бледновато-серого неба. На лесистом «материке», совсем недалеко от острова, угадывались ветхозаветные избы-сугробы да приземистые кирпичные дома, построенные еще полтора века назад, ветер доносил тонкий запах дыма из печных труб...

Сторожевой катер с темными глазницами пулеметных гнезд намертво, теперь уж до весны,

вмерз в узенькую бухту, прорезавшую остров, чуть поодаль, возле обвалившейся крепостной стены, сквозь ледяной панцирь проглядывал борт старенького бронетранспортера.

Леониду Непряеву странно было видеть все это на территории строгого мужского монастыря — не так представлял он себе Богоявленскую пустынь, когда добирался сюда, в карельские земли, из далекой Находки. О молитвенном предназначении островка говорили три церквушки разной степени разрушенности да огромный, стылый Богоявленский собор, который, казалось, вот-вот раздавит горбивший посреди озера клочок земли. А так — ни дать ни взять, секретная военная база для подготовки диверсантов, да и только...

Коренастый бородатый монах-завхоз в треухе, валенках и телогрейке еще немного повозился с амбарным замком, подул на заочеченные пальцы, повернулся к Леониду:

— Зажигалка есть?

Леонид рассеянно пошарил по карманам «аляски», нащупал пластиковую тушку «Крикета», покорно протянул бородачу.

— Отогреть надо, — зачем-то прокомментировал свои нехитрые действия завхоз и принялся водить язычком пламени по замочной скважине. — А курить бросай, тут с этим ох как строго...

«Зачем я здесь? — с тоской думал Леонид. — На что рассчитывал? Край света, чужие, угрюмые люди... Нет, я не выдержу! Сбегу... Но куда? Куда бежать?»

Тяжелый литой засов глухо стукнул о почерневшую бревенчатую стену, через разверзшийся дверной проем в лицо Леониду дохнула пыльная темнота.

Завхоз включил автомобильный фонарь, и Леонид увидел, как в широком луче света по земляному полу пробежала крыса. Где-то под потолком урчал голубь...

— Заходи, — буркнул пышнобородый монах. — Здесь у нас вся амуниция. Выбирай, что поглянется.

Леонид недоуменно озирался в полумраке. На стене висела конская сбруя, тут же, в углу, притулилась сломанная телега. Битые кадушки, ржавые косы...

— Держи фонарь, — сказал завхоз и включил эбонитовый радиоприемник с зашторенным материей динамиком.

«Точно такое же радио у мамы в Находке», — мелькнуло в сознании Леонида.

Он повел тусклым пятном света по растрескавшимся бревнам стены и оторопел... Подошел поближе.

Дрожащий луч автомобильного фонаря

выхватил из мрака длинную, уходящую вглубь склада слегу, на которой плотным рядом висели на плечиках мужские вечерние костюмы. Все — в запыленных полиэтиленовых чехлах, с торчащими наружу бирками. Малиновые и бутылочного цвета, бежевые с искрой... А вот и чопорные смокинги, две-три фрачных пары. На глазок — в среднем, по две-три тысячи долларов за костюмчик.

Леонид в каком-то полусне перебирал глянцевые бирки — Австрия, Великобритания... Из охрипшего радиоприемника лилась бессмертная музыка Леграна. Вспомнилось всякое...

— Бушлаты и валенки вон там, — ткнул пальцем в противоположный угол монах-завхоз.

ЗАБУДЬ СВОЁ ФАМИЛИЕ!

Леонид сидел на сосновом чурбаке, перед ним грудой возвышались забракованные валенки — серые, черные, коричневые...

— Бери подшитые, не смотри, что ношенные, — нудно советовал завхоз. — Потом спасибо скажешь.

— А костюмы клубные зачем? — не к месту спросил Леонид.

— Клубные? — подивился завхоз. — Да в таких костюмчиках не то что в клуб, а к английской королеве не стыдно!

Леонид сообразил, что монах понятия не имел о том, что где-то в мире существуют какие-то иные клубы, кроме сельских, с танцами да самодеятельностью...

— Зачем-зачем... А ни за чем, — недовольно ворчал завхоз. — Тут еще не такое увидишь...

Бушлат Леонид подобрал быстро, и неожиданно почувствовал себя очень даже комфортно в этой военизированной телогрейке. Нашлись и ватные брюки цвета хаки — аккурат по размеру.

— Шарф можешь свой оставить, — продолжал бородач. — И шапочка вроде у тебя подходящая, неброская... А куртку твою и джинсы я сейчас оформлю как положено...

— Под расписку, что ли, примете?

— Ишь, ты... — усмехнулся в усы монах-завхоз. — Обойдешься! Забыл, куда попал? Расписку ему...

Он достал мятую тетрадь и огрызок чернильного карандаша, послунял грифель:

— Тэ-экс... Как же тебя записать-то?

— Непряев, Леонид.

— Ну, фамилие твоё тут ни к чему, и ты его лучше не вспоминай. Забудь. Откуда прибыл?

— Из Находки.

Завхоз задумчиво теребил губу.

— Хм... Приморский у нас уже есть. Будешь

Дальним. Значит, так и запишем: «Выдано Леониду Дальнему — валенки (одна пара)...» — А это можно взять? — Леонид держал в руке просторные опорки из толстого войлока. — Вместо тапочек.

— Бери, от Смоленского в наследство остались. Схоронили мы его недавно...

ВОТ ТЕБЕ, БАТЮШКА, И НОВЫЙ ГОД!

Электричество в тесных комнатушках-кельях с неизменными печками-голландками гасили строго по часам — в двадцать два тридцать, а на случай крайней необходимости имелись толстые стеариновые свечи. Новый Год вообще никак не отмечали — ну просто очередная смена дат в церковном календаре...

Когда Леонид, пробывший на острове всего-то с месяц и еще не постигший всех писанных и неписанных монастырских законов, простодушно предложил сотоварищам по келье в ночь на первое января посидеть до двенадцати ночи при свечах, поговорить «за жизнь», никто ему даже не ответил. Сергей Московский — молодой разорившийся бизнесмен — посмотрел на новичка тяжелым взглядом, Саша Мурманский (бывший переговорщик в одной из крупных банд) вообще не выказал никаких эмоций, а молоденький паренек, которого все звали Федяем, украдкой покрутил

пальцем у виска — так, чтоб этот выразительный жест видел только Леонид.

Леонид за этот месяц оброс настоящей бородой — не столь пышной, разумеется, как у пожилого монаха-завхоза, но все-таки это была уже борода, а не щетина. Странно, однако, наличие бороды, которую Леонид сподобился отрастить впервые за свою сорокалетнюю жизнь, вызывало у него чувство спокойного удовлетворения, хотя он мог определить ее «качество» лишь на ощупь — зеркала на острове почему-то были запрещены. Может, начальство в лице архимандрита Варсонофия добивается, чтоб монахи и послушники не только забыли свои фамилии, но и то, как выглядят? Свой собственный облик? Похоже, что так.

И вообще, чем дальше, тем больше Леонид убеждался, что монастырская жизнь продумана до мелочей, и нет здесь ничего случайного или необязательного.

«ТЫ, БРАТ, ПОМАЛКИВАЙ...»

Здесь было не принято спрашивать о прошлой, мирской жизни, как не принято было вести праздные разговоры вообще. Но скудная информация о судьбе послушников и монахов каким-то образом просачивалась, становилась

общеизвестной.

Послушник Валерий служил еще недавно майором-ракетчиком в Подлипках, брат Виктор был директором магазина, да проворовался, чудом избежал заключения. Черноризец Евгений служил на флоте — кажется, штурманом... Закончил мехмат МГУ иеромонах Нафанаил, от усиленной учебы слегка тронулся рассудком и теперь иной раз вел себя, как ребенок. Иеромонах Вианор был саксофонистом в Сочи, а иеромонах Мелхиседек пел в престижном московском ресторане.

Что случилось с этими вполне успешными людьми (иеромонах Нафанаил и брат Виктор не в счет), каким таким образом жизнь «подвела их под монастырь»? О том и гадать не стоило — все равно не догадаешь. Но Леонид, конечно же, нутром чувствовал, что не от хорошей жизни оказались тут и Мурманский, и Московский, и Федяй — равно как все остальные два десятка разновозрастных мужиков, обитателей острова. Добровольно заточить себя на клочке земли посреди студеного озера, быть постоянно готовым безропотно выполнить любое распоряжение архимандрита Варсонофия — это надо либо характер иметь железный, полностью проникнуться осознанием святости поставленных целей, либо... Попасть в безвыходное положение.

Наблюдая за обитателями острова, Леонид

пришел к выводу, что всех или почти всех объединяет именно второе «либо», и многие, совершенно очевидно, как и Леонид, скрываются на этом пятачке суши. От чего или от кого? От закона? От бывших жен? От «мстителей»?

Бог его знает... И Леонид изо всех сил старался сделать так, чтобы его пребывание в Богоявленской пустыни казалось ему самому осмысленным и вполне искренним жизненным поступком. Теперь он вскакивал в половине пятого утра, с первым ударом соборного колокола, стряхивал с солдатского одеяла иней и спешил раньше других к допотопному латунному умывальнику в коридоре. Кулаком пробивал корку льда, образовавшуюся в умывальнике за ночь — иначе, сколько ни долби по длинному хоботку мойдодыра, а вода не потечет...

— Слишком сильный мороз, — качал головой Мурманский. — Слишком. Вчера на градуснике было аж минус тридцать пять. И это днем! А ночью?.. А что же ночью-то?

В том, что мороз способен одолеть любую твердыню, Леонид убедился ближе к обеду, когда его послали колоть дрова. Вместо колуна, который был бы куда более уместен, Леонид получил довольно хилый топорик. Что ж, пока нет серьезной мужской работы, можно и топором помахать — все лучше, чем пресные щи на кухне помешивать.

Леонид бросил бушлат на борт бронетранспортера, подошел к вмерзшему в снег чурбаку. Примерился и легонько, но точнехонько тюкнул топориком в краешек среза тополя. И... здоровенный чурбак, который по осени никак не поддавался топору (тонкое лезвие просто-напросто вязло в мякоти тополиной) со стеклянным звоном развалился надвое.

— Во, что мороз-то делает! — восхищенно пробормотал Леонид.

— Нашел, чему удивляться, — послышался за спиной спокойный голос Сергея Московского. — Ты назад оглянись!

Леонид повернулся назад. В нестерпимо ярком зимнем солнце перед глазами посверкивали мельчайшие льдинки, а далеко-далеко, над озером, стояла радуга. И какая радуга! Если б кто сказал, ни за что бы не поверил. Отчетливая и круглая, она, словно разноцветный бублик, висела над соседним островом...

НАСТОЯЩИЙ РУССКИЙ ПОЛКОВНИК

Уже дважды за минувший месяц на острове появлялся какой-то полковник с квадратным телосложением — неизменно под вечер и, как говорится, не с пустыми руками. Благо по льду озера была проложена устойчивая дорога меж

плесами, вдоль которых то и дело вспучивались смертоносные полыньи.

Леонид из отрывочных фраз, которые ему довелось случайно услышать, понял, что это начальник крупной военной базы, расположенной неподалеку. Помимо бушлатов, цигейковых шапок и солдатских одеял он-то и подарил монастырю списанный БТР и сторожевой катер. А здесь ни от чего не отказывались. Вот и костюмы вечерние, которые Леонид с изумлением увидел на складе в день своего прибытия, у разорившегося торговца взяли в дар, «во славу Божию», как здесь говаривали. Зачем? А Бог его знает... Пусть будут. А то ведь как? Один раз откажешься, в другой раз чего полезного не предложат.

ДЕД ИВАН

Вообще-то, ходить в гости друг к другу в строгой обители не положено, однако келья деда Ивана — негласное исключение из монастырского правила. Бывало, тоска накатит или просто не спится — бредут молодые насельники к седобородому старцу. Отвара брусничного похлебать, да поучения нехитрые, неторопливые, послушать.

Не утерпел и Леонид, приперся к старцу в ночь-полночь. Глядь — а тут и Мурманский, и

Московский, и заезжий журналист.

— Подбрось пару поленьев, — велит Сергею дед Иван.

Тот неспешно выбирает чурку посмолистей — чтоб заискрило в печи — все веселей-то...

А дед вещает:

— Вам, ребята, уже поздно смерти бояться, пора уже к ней готовиться. Вот я уж пятьдесят лет готовлюсь. Ты, Леня, чего отварчик-то не пьешь? А? Очень полезно.

— Не благословлено, — бурчит Леонид. — Не положено после полуночи.

— Ну да, ну да, — дед Иван кивает, поджав губы.

— Ты чего там про смерть-то начал? — подозрительно смотрит на старца Мурманский.

— А того! Пророк Давид сказал, что «жизни нашей семьдесят лет, аще же много — восемьдесят лет». А Христос дал Новый Завет, то есть исправил Давида. Тридцать три года Он Себе отмерил на этом свете. И, стало быть, это и есть наш нормальный век. А то, что сверху дается — это уже подарок свыше, такому подарку надо радоваться, благодарить за него.

— А почему тридцать три, дед Иван? — подал голос Сергей Московский.

— Да природа человеческая так устроена, что к тридцати годам человек заканчивает познание

мира, полностью определяется в жизни. И все грехи совершает основные тоже. Это уж не от Бога, грехи-то, а по собственному произволению. А за три оставшиеся года можно и предназначение свое выполнить. Как Христос.

Сергей выпрямляется.

— По твоим словам, дед Иван, мне на днях помирать.

Опасливо косится вещей дед на кочергу в руках Сергея.

— Что ты, Бог с тобой... — бормочет застрявший на этом свете старец. — Я просто сказал, как святые отцы учат.

Мурманский подмигивает Московскому:

— Так тебе что, вот-вот тридцать три? Это, брат, серьезная дата. Но, увы, в монастыре дни рождения не справляют, — и тяжело вздыхает: — А жаль.

...И ДОЛГО БИЛИ

Прошло два года. Я (тот самый упомянутый вскользь журналюга заезжий) снова приехал к братьям Богоявленной пустыни.

Леонид Дальний уже стал послушником, носил подрясник с кожаным ремнем и скуфейку. Принял малые обеты пред Божьим алтарем, все — чин-чинарем.

Он пилил-колол дрова, пособлял поварам на трапезной, научился класть печи... Ну, и восемь часов на молитве ежедневно: утреннее богослужение, вечернее, да еще длинное келейное правило.

Ни разу не написал он в Находку матери — боялся растравить душу, расплескать воцарившийся в ней покой.

По окончании богослужения мы с Леонидом поднялись на колокольню — здесь в тесной комнатушке, почти на самом верху, жил звонарь Миша Камчатский, и любой морозище был ему нипочем.

Миша — артист по натуре, и его ампула — юродство. Юродствовал Миша талантливо, трудился изо всех сил, будто поставил перед собою цель, чтоб рассудок и в самом деле покинул его. То ангелы ему мерещились (якобы), то — бесы. Опять же — якобы. Был у Миши запрещенный магнитофон — старенькая «Электроника», и теперь из динамиков лилось заунывное песнопение: «Ничего не надо, грешный человече...»

Прежде чем войти в Мишину поднебесную келью, Леонид троекратно стукнул в оргалитовую дверцу:

— Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас...

Ждем, когда из-за двери послышится

«Аминь»: разрешение войти. Миша не спешит с ответом, наслаждается паузой. Леонид не выдержал, завопил что есть мочи, перекрывая блаженный голос певицы, льющийся из динамиков:

— Молитвами святых отец наших!!!

— А-аминь, — милостиво отозвался Миша.

Мог бы сказать «не аминь»: так местные шутники выражают свое нежелание кого бы то ни было видеть в своем жилище.

Крестный поклон в сторону образа Пресвятой Богородицы. Лик Пречистой полускрыт засохшей веточкой березы — еще с прошлогодней Троицы.

— Хорошо бы до Афона пешком дойти, — мечтательно говорит Миша. — Тоска здесь. Тоска смертная. И уныние бесовское.

Наедине с братьями Камчатский переставал строить из себя болящего на всю голову, он юродствовал только на пришедшей публике, главным образом — перед туристами. «Ну что за монастырь без своего собственного юродивого?» — оправдывался Миша, когда архимандрит Варсонофий изымал деньги, всученные «убогонькому» экскурсантами да паломниками.

— На Афон, говоришь? Не знаю — не знаю... — покачал головой Леонид, снял нагар со свечи. — По мне, так где родился, там и пригодился.